

УЛЫБКА РАЗУМА

(двуплановый юмор в художественном мире Сергея Довлатова)

*Работа представлена кафедрой истории русской литературы СПбГУ.
Научный руководитель — доктор филологических наук, профессор И. Н. Сухих*

Статья посвящена специфическому юмору в творчестве С. Довлатова. Двуплановый юмор играет важную роль для понимания художественного мира автора. Статья предназначена для специалистов по истории русской литературы и в основном изучающих произведения С. Довлатова.

Ключевые слова: юмор Довлатова, отклонение от нормы, тип персонажей в довлатовской прозе, понятие «комическое», абсурдистское миропонимание Довлатова.

Kim Kyung-Keun

SMILE OF SENSE

(biplane humour in Sergey Dovlatov's art world)

The paper is devoted to the specific humour in S. Dovlatov's creative work. The biplane humour plays an important role for understanding of the author's art world. The article is intended for experts on the Russian literature history and those who study S. Dovlatov's works.

Key words: Dovlatov's humour, digression from the norm, type of heroes in Dovlatov's prose, "comic" notion, Dovlatov's absurd outlook.

«Смешно!» — вот самая общая реакция на произведения Довлатова, одна из причин почему его называют юмористическим автором.

Существуют разнообразные виды смеха. Владимир Яковлевич Пропп в своем исследовании «Проблемы комизма и смеха» выделяет несколько видов смеха: насмешливый, добрый, злой (он же циничный), жизнерадостный, обрядовый и разгульный смех [4, с. 14–17]. Если применять данную классификацию к довлатовскому тексту, к какому виду смеха можно отнести довлатовский юмор? На этот вопрос трудно ответить сразу, потому что за легким веселым смехом Довлатова остается что-то необъяснимо тяжелое и грустное.

Сложно определить специфику довлатовского смеха из-за слишком разных причин, которые его вызывают. Одна из таких причин — отклонение от нормы. Согласно этой концепции, польский исследователь Тшинадлёвский утверждает, что «смешным может оказаться противоречие норме не только отрицательного, но и положительного порядка» [1, с. 34–36]. То есть если у «хорошего человека» неожиданно проявляется противоречащая его характеру манера поведения, то это вызывает смех. Точно так же, как благородные поступки и манеры «плохого человека» вызывают смех.

Однако это два разных вида смеха вследствие отклонения от нормы: в первом случае

смех близок к насмешливому, а во втором — к более «тяжелому» и немного патетическому. В соответствии с этим можно сказать, что юмор Сергея Довлатова во многом определяется этими двумя видами.

Сначала приведем примеры первого случая — отклонения от нормы «хорошего человека». Культурные, интеллигентные герои в довлатовских книгах, как обычно, пользуются в обществе хорошей репутацией до ключевого события, рассказанного повествователем. Может быть, после него эта репутация не изменится, поскольку данное событие может остаться тайной, известной лишь самому повествователю и нам (читателям).

Например, уважаемый всеми мэром Ленинграда Сизов в главе «Номенклатурные полуботинки» из книги «Чемодан» на банкете в честь открытия новой станции метро снял под столом тесные ботинки. Когда он обнаружил пропажу своей обуви, то, чтобы сохранить лицо, притворился больным настолько, что не мог якобы встать со стула. В главе «Приличный двубортный костюм» из той же книги скряга-редактор обещал выписать повествователю, идущему на работу в неподходящей к солидному издательству одежде, премию для приобретения приличного костюма. Наконец он выполнил свое обещание, но только из страха перед грозным майором КГБ, узнавшим, как мало получают служащие редакции. В подобных амбивалентных ситуациях лицемерное поведение этих «хороших» людей вызывает лишь насмешку без всякой жалости.

В высмеивании «плохого человека» есть нечто другое, что не позволяет смеяться над ним, как над хорошим человеком. В довлатовских книгах к типу плохого человека принадлежат заключенный, алкоголик, фарцовщик, сумасшедший и др. Обычно такие люди попадают в особые ситуации или делают не соответствующие им поступки. В необычных и даже нелепых обстоятельствах возникает смех, сочетающийся со сложными деликатными чувствами.

Например, к Октябрьским праздникам заключенные исполняют в поставленном спектакле роли Ленина, Дзержинского, чекиста и

его жены («Зона»). Непрофессиональное представление заканчивается в нелепой обстановке карнавальным смехом и шумом. Затем неожиданно раздается голос исполнителя роли Ленина. Он поет «Интернационал», который трогает повествователя.

Уродливый фарцовщик Рымарь в главе «Креповые финские носки» («Чемодан»), любящий порассуждать о прекрасном, брезгливо относится к двум некультурным финкам, приехавшим продать носки. К тому же вопреки опасности ареста он идет в «Березку» за японским транзистором. Два вечно полупьяных камнереза — немногословный Лихачев и разговорчивый Цыпин, — несмотря ни на что, несут ответственность за свою профессию («Номенклатурные полуботинки»).

Таким образом, юмор С. Довлатова является двуплановым в зависимости от качеств человека и его социального статуса.

Богдан Дземидок определяет комическое следующим образом: «Комическое — одна из самых сложных и разноплановых категорий эстетики. Под “комическим” подразумеваются как естественные (то есть появляющиеся независимо от чьего-либо намерения) события, объекты и возникающие между ними отношения, так и определенный вид творчества, суть которого сводится к сознательному конструированию некой системы явлений или понятий, а также системы слов с целью вызвать эффект комического. А кроме того, комическое связано со специфическим кругом переживаний» [1, с. 7]. Согласно этому толкованию, можно сказать, что довлатовский юмор, порождаемый несопадением качества персонажа и его поступков, объясняется термином «абсурдистский юмор» («сознательная игра с логикой, здравым смыслом и стереотипом понятий, представлений и поведения» [1, с. 125]).

Таким образом, «сознательная игра» Довлатова основана на его абсурдистском миропонимании: мир представлен нелепым и абсурдным глазами автора, имеющего комплекс неполноценности (в том числе комплекс неудачника. См. монографию «Юмор, остроумие, творчество» Александра Лука. В ней автор уделяет особое внимание соотношениям чувства юмора и

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

личной характеристики. Среди них к комплексу неполноценности, кроме комплекса неудачника, принадлежат недостаточность образования, низкий социальный престиж профессии, комплекс провинциала, комплекс кастрации, комплекс маленького человека [3, с. 66–71]).

Естественно, считается хорошим человеком в таком нелепом, абсурдном мире – оскорбление. Это подтверждается тем, что в довла-товских произведениях особенно много «пло-хих» персонажей, любимых читателями. По крайней мере, в наиболее комические момен-

ты они относятся к жизни серьезно. Здесь ска-зывается сила творчества Довлатова за кажущейся простотой в изображении юмористи-ческих сценок. Это проявляется в том, что, читая довлатовские книги в легком и веселом состоянии, мы вдруг сталкиваемся с моментом патетическим, высоким. Не случайно Шуман говорил, что «юмор – это философия хороше-го настроения» [1, с.111]. Более того, Сергей Довлатов определяет юмор: «*Юмор – инверсия жизни. Лучше так: юмор – инверсия здравого смысла. Улыбка разума*» («Соло на Ундербуде»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дземидок Б. О комическом. М., 1974. 223 с.
2. Довлатов С. Собрание сочинений: В 4 т. / Сост. А. Арьев. СПб., 2003. 1769 с.
3. Лук А. Юмор, остроумие, творчество. М., 1977. 183 с.
4. Пронн В. Проблемы комизма и смеха. М., 2006. 256 с.